

стнической России. Основной же материал продолжает живо звучать и сейчас. Созданная в прошлом пословица и поговорка, имея переносное значение, говоря обиняком (пользуемся выражением В.И.Даля), применяется и к современным событиям, фактам, характеризует современных людей. Старые народные пословицы живут в современности как творчество, как мудрость народа, как образное обобщение, слитое с сегодняшним днем. Поэтому и сборник В.И.Даля «Пословицы русского народа», изданный впервые в 1861–1862 году, прошел через десятилетия и остается ценным вкладом в русскую культуру [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазутин С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы: Учебное пособие для вузов по спец. Русский язык и литература – М.: Высшая школа, 1990. – 240с.
2. Рыбникова Русские пословицы и поговорки. М.: Просвещение, 1961. – 237с.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в бт. М.: Просвещение, 1953. т.6. – 166с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат., 1957. – 991с.

Рубинштейн Е.Б., доктор исторических наук, профессор
Костанайский государственный педагогический институт

СПОРЫ О ЧЕТВЕРТЫХ АННАЛАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В начале XXI века развернулась оживленная дискуссия о четвертом поколении Анналов. Вопрос, состоялось ли четвертое поколение анналистов, постоянно муссируется на страницах исторических журналов и на эту тему публикуются монографии, но однозначный ответ еще не получен [1].

По мнению П.Ю. Уварова и Н.В. Трубниковой, «ни об одной западной историографической школе не было столько публикаций на русском языке» [2.с.127]. О четвертом поколении с энтузиазмом говорили на международном коллоквиуме «Школа Анналов»: вчера и сегодня, проходившем в Институте Всеобщей истории РАН в 1989 году [3]. Эта тема была продолжена и развита в 90-х годах А.Я.Гуревичем в нескольких публикациях [4]. Эта тема послужила одной из основных в диссертационном исследовании Л.П.Репиной и в ее монографии, вышедшей в 1998 году [5]. Однако в начале XXI века все больше раздается критических и скептических голосов, а существует ли четвертое поколение

Анналов или это пока только потенциальный проект.

Подобного вопроса не возникало относительно первых, вторых и третьих Анналов. Первые Анналы (1929–1955гг) связаны именами М.Блока и Л.Февра и олицетворяли тот коренной переворот, подлинную революцию в исторической науке. Вторые Анналы получили название «броделевских» по имени Ф Броделя. Третьи Анналы или «новая история», история ментальностей ознаменовали полный разрыв с предшествовавшей традицией и отказ от социальной истории.

Мексиканский исследователь К.А.А.Рохас вообще предлагает отказаться от термина «Школа Анналов» в силу его некорректности, так как за почти вековую историю (он выделяет предысторию Анналов со времен Первой мировой войны) их существования под этим названием существовало четыре не только разных, но зачастую и противоположных интеллектуальных проектов [6].

Возникает законный вопрос, почему до сих пор не определена характеристика четвертого поколения *Анналов*. Начнем рассмотрение вопроса с хронологии, то есть выясним, когда впервые историки заговорили о четвертом поколении *Анналов*. Рохас, и остальные исследователи солидарны с ним, называет 1989 год как одну из важнейших символических дат, знаменующую собой не только конец так называемого «краткого XX века» и точку отсчета XXI века, но и начало последнего этапа *Анналов*, четвертого поколения.

Формирование проекта четвертых *Анналов* связано с именем Бернара Лепти, начало деятельности которого в качестве секретаря редакционной коллегии журнала *Анналов* относится к 1985 году. Он начал обновление *Анналов* с передовицы «История и социальные науки. Критический поворот?», напечатанной в марте-апреле 1988 года под его совместной с Жаком Ревелем редакцией. Как историк Лепти принадлежал к бунтующему поколению 1968 года и отличался левизной взглядов. Его научные интересы были сосредоточены в области исторической демографии и новой городской истории.

Его редакционная деятельность совпала с бурными дебатами в исторической науке в преддверии 200-летнего юбилея Великой французской революции. Левые историки дали отпор тем, кто пытался преуменьшить значение революции. «История ментальностей», а особенно исповедовавшие ее авторы подверглись особо шквальной критике.

Игнорировать социальную и политическую историю в преддверии юбилейных торжеств, которые приобрели поистине планетарный размах, так как поздравить французский народ со славной датой взятия Бастилии собрались главы всех государств мира, стало попросту невозможно. Историки левого направления дали отпор

ревизионистам, отрицавшим революцию, на международном историческом конгрессе, посвященном Великой французской революции.

События, произошедшие в мае-июне 1989 года в Советском Союзе, тоже побуждали анализу социального. На торжествах в честь Великой французской революции президент Франции социалист Франсуа Миттеран преподнес М.С.Горбачеву томик *Монтескье*, подчеркивая тем самым связь времен, связь прошлого с настоящим.

Все это не могло не будоражить историческую мысль. И не случайно, что шестой выпуск *Анналов* 1989 года может законно считаться манифестом четвертых *Анналов*, представляющий резкую смену курса по сравнению с третьими *Анналами*. По отношению к своим предшественникам, четвертое поколение *анналистов* придерживается принципиального интеллектуального разрыва и возобновляет идейную связь с первыми и вторыми *Анналами*.

Взамен «истории ментальностей» ими предлагается социальная история культуры, используя подходы Роже Шартье или Алена Буро. *Анналисты* четвертого поколения предлагают рассматривать взаимосвязь культуры с ее социальным и материальным окружением. Этот новый подход нашел блестящее воплощение в одной из наиболее интересных книг «Культурная история французской революции» Роже Шартье. Эта книга породила бурную и плодотворную дискуссию в исторической науке в 90-годы и стала своего рода интеллектуальным вызовом. Отголоски этой дискуссии просматриваются на страницах не менее дискуссионной книги «Запрещенные бестселлеры предреволюционной Франции» выдающегося американского историка Роберта Дарнтонa [7].

Новое обращение к социальной истории нашло выражение и в изменении названия журнала в 1994 году: «*Анналы. История и общественные*

науки», так и включение экономиста Андре Орлена и социолога Лорана Тевено в обновленную редакционную коллегию.

Анналистов нового поколения увлекла проблема проследить, как в недрах старого зарождается новое. Эта проблема в полный голос зазвучала в сборнике под редакцией Б.Лепти «Формы опыта. Другая социальная история».

Четвертое поколение приступило к пересмотру возможностей количественной или серийной истории, которой так увлекались броделевские Анналы. Примером нового подхода к экономической истории могут служить труды Жак Ива Гранье, ставшего главным редактором Анналов после трагической смерти Лепти в 1996 году.

Новые Анналы поставили во главу угла глобальную историю, направление, которое в начале XXI века приобретает, по словам известного немецкого историка Кока [8], все большую популярность. Анналы не остались в стороне от этих веяний нового тысячелетия. Они начали систематическое исследование отличных от европейской культуры и вклад иных культур в западноевропейскую цивилизацию. Этот подход еще только наметился, он встречается на своем пути сложности, с которыми сталкиваются, по словам Кока, все историки, изучающие глобальную историю. Если это глобальное направление оправдает себя в будущем, то Анналы могут пережить еще один резкий поворот курса, так как раньше анналисты занимались только западной цивилизацией и историей.

На протяжении последних 19 лет четвертые Анналы интенсивно вовлечены в методологическую и эпистемологическую работу. В этом их коренное отличие от «новой истории» третьих Анналов, игнорировавших эти вопросы. Знаменитый шестой выпуск «Анналов» 1989 года открыва-

ется редакционной статьей «Попытаемся поставить опыт», которая прямо призывает вернуться к теоретическим подходам исторического синтеза, использованию сравнительного метода и интерактивной истории.

Четвертые Анналы оказались открыты для усвоения опыта иных историографических школ. Именно они освоили и распространили во Франции богатый и плодотворный опыт итальянской микроистории, представленной работами Карло Гинзбурга, Карло Пони и других. Это нашло выражение в сборнике под красноречивым названием «Игры масштаба». По мнению его авторов, «микроистория показывает принципиально новую стратегию знания: в зависимости от уровня «приближения» исследователя меняется, по выражению Ж.Ревеля, не просто размер видимого объекта, но и его форма и замысел. В проекте микроистории внимание переносится на индивидуумов или малые группы, темы частной жизни». По мнению П.Уварова, это не плюс, но минус новых Анналов, так как «плохо поддается генерализации и с трудом сочетается с макроподходом». С этой точкой зрения трудно согласиться. Во Франции в 1997 году вышел перевод блестящей книги выдающегося испанского историка Хайме Контрареса «Инквизиция и тайные иудеи»[9], где микро и макро подходы идеально дополняли друг друга. Это и объяснило оглушительный успех этой книги, вдохновившей анналистов на использование микроистории.

В начале XXI века энтузиазм историков, пишущих о четвертом поколении Анналов, иссяк и сменился пессимизмом и скептицизмом. Внутри самих анналистов отношение к подобному разграничению на третье и четвертое поколения более чем сдержанное.

Посторонние наблюдатели также начали высказывать все больше

сомнений в существовании четвертого поколения. Ястребицкая уверена, что нет оснований говорить о четвертых Анналах, так как «новаторы» конца 80-х-90х годов продолжают традицию третьих Анналов [10]. Рохас, посвятив четвертым Анналам целую главу в своей книге, пишет о незавершенности их интеллектуального проекта достаточно скептически настроен и Уваров. В чем причина сомнений историков? В следующем году исполняется ровно двадцать лет с момента выхода статьи о «критическом повороте». Это вполне достаточный срок для определения характеристики нового поколения, если оно сформировалось. По мнению Рохаса, трагическая смерть Лепти послужила причиной того, что проект так и не был оформлен до конца. Нам видится иная причина. Не случайно сомнения в существовании четвертого поколения стали посещать историков в XXI веке.

Анналы занимали уникальное положение в исторической науке ни находились в самом авангарде исторического поиска. Подобное положение обусловлено способностью Лидеров этой школы улавливать кардинальные вопросы, волнующие общество в данный момент. Первые Анналы стали вызовом господствующим в историографии XIX века позитивизму и германоцентризму. Предложив отличные от позитивизма парадигмы, они совершили революцию в историографии XX века. Вторые Анналы совпали с подъемом социально-экономической конъюнктуры «славного тридцатилетия» во Франции, и акцент на социально-экономической истории сделал Францию центром мировой исторической мысли. Третьи Анналы стали ответом на культурную революцию 1968 года, поэтому история ментальностей или «новая история» стала историей культуры.

Однако в XXI веке парадигма «новое-это хорошо забытое старое»

не сработала для Анналов. Бесспорно их стремление вернуться к социально-экономической истории, то есть восстановить связь с броделевскими Анналами и отмежеваться от истории ментальностей. Однако этого в первом десятилетии XXI века уже явно не достаточно, чтобы обеспечить себе авангардное место в мировой исторической науке. Четвертые Анналы оказались в противоречии с основными векторами развития мировой истории в первом десятилетии XXI века. Традиционная установка Анналов на то, что история современности или новейшая история не являются достойными изучения, не состыкуется с проблемами современной историографии. Если анналисты считали, что все события менее полувековой давности – удел журналистов и политиков, то в самой Франции, Европе, мире в XXI веке преобладает иная тенденция. Бурные события 90-х годов, приведшие к объединению Германии, созданию единой Европы, сами по себе требовали осмысления. Повсеместно происходит реабилитация «политического» как объекта исследования. Во Франции подлинными новаторами становятся не анналисты четвертого поколения, но зачинатели «новой политической истории». Ведущие немецкие истории с увлечением занимаются изучением объединения Германии и его последствий. На повестку дня европейской исторической науки XXI века поставлена «принципиально новая задача осмысления и освещения европейского прошлого с позиций новой интегрированной Европы.» [11] Европейская история переживает настоящий всеевропейский бум. Однако редактируемая Жаком Лу Гоффом серия под претенциозным названием «Строить Европу» вызывает критические отзывы самих европейцев за свой ярко выраженный западноевропейский центризм. На слабость этой серии указывают авторы коллективной монографии «Приближение к европей-

ской историографии», вышедшей в Вене в 2002 под редакцией профессора Г.Штурца. Эта дискуссия в освещении выжнейшей проблемы европейской историографии XXI века показывает, что *Анналы* утрачивают свое авангардное положение в современной западной исторической науке. Это изменение масштаба, утрата ведущей позиции, места, которое в прошлом *Анналы* занимали в исторической науке и вызывает сомнения у историков, а состоялись ли «четвертые» *Анналы* или это *Анналы* так называемого «переходного периода».

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: Французская школа «Анналов» в современной историографии. М., 1983. Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. Новая и новейшая история, 1998, №4.
2. Трубников Н.В., Уваров П.Ю. Пути эволюции социальной истории во Франции. Новая и новейшая история, 2004, №6.
3. Гуревич А.Я. Загадка «Школы Анналов»: Революция во французской исторической науке или об интеллектуальной ситуации современной историографии. // *Arbor mundi*. М., 1993, вып.2. Его же. Исторический синтез и «школа Анналов». М., 1993.
4. Бессмертный Ю.Л. Споры о главном: международный коллоквиум «Школа Анналов» вчера и сегодня. // Новая и новейшая история, 1990, №6.
5. Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998.
6. Рохас К.А.А. Критический подход к истории французских *Анналов*. М., 2006.
7. Darnton R/ The Forbidden Bestsellers of the Pre-revolutionary France. N.Y., 1995.
8. Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире. // Новая и новейшая история, 2003, №3.
9. Контрерас Х. Инквизиция и тайные иудеи. С.-Пб., 2004.
10. Ястребицкая А.Я. О культурологической природе историографического: взгляд из 90-х. // XX век: методологические проблемы исторического познания., ч.1, М., 2001.
11. Исламов Т.М. Европейские истории о европейской истории. // Новая и новейшая история». № 5, 2003.

Самаркин С.В., магистр истории

Костанайский государственный педагогический институт

САМОВОЛЬНЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ТУРГАЙСКОЙ И АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Официальный переселенческий процесс в Западную Сибирь и Казахстан в конце XIX – начале XX века шел одновременно с самовольным. Главной причиной самовольного переселения в регионы Северного Казахстана становятся слухи о «крестьянском рае». Особенно подобная проблема демографического развития коснулась Кустанайского уезда Тургайской области, Петропавловского и Кокчетавского уездов Акмо-

линской области. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Вокруг только возникшего города Кустаная (в 1879 году) сразу создаются переселенческие поселки для распределения городского отвода. Расположившийся за Тоболом, в 3 км от Кустаная, поселок, созданный самовольно, без разрешения властей, получил в народе название «Самодуровка» (поселок Затобольский). Причем, первоначально – самовольный поселок, организовавшись в 1878 го-